

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 1 (2874) С-162762

Вторник, 1 января 1952 г.

Цена 40 коп.

О НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ

Акад. Г. АЛЕКСАНДРОВ

Вряд ли можно встретить человека, который не задумывался бы над будущим. Вряд ли можно найти еще такой вопрос из области общественной жизни, в который внесено так много вымысла, самой невероятной фантастики, беспочвенных прогнозов...

В каждую историческую эпоху решающей силой развития общества были трудящиеся массы. Но вплоть до середины XIX века, когда возник марксизм, они не ведали, куда, в каком направлении пойдет это развитие.

Возле трудящегося человечества И. В. Сталин так характеризует смысл прошлой истории: «Рабы и рабовладельцы, крепостные и крепостники, крестьяне и помещики, рабочие и капиталисты, угнетенные и угнетатели...»

Тысячетлетиями идеологи реакционных классов твердили и продолжают твердить поныне, что эти цепи нельзя разорвать, ибо тогда же «погибнет» общество.

Идеологи империалистической буржуазии представляют себе будущее только как будущее своего класса и для своего класса. Американский сенатор Фланзер в книге «Американское столетие» предвещает на протяжении всего XX века снижение налогов на «доходы» миллиардеров и поддержание в нищете и рабстве 90 процентов населения США — трудящихся.

Французский публицист Барбарос пресказывает в своей книге «Кто будет хозяином мира?» «моральную деградацию» человечества и беспрерывные мировые войны на протяжении ближайших десятилетий.

Уинстон Черчилль пророчески о наступлении каменного века на земле. Английский философ-любовец Бертрам Рассел издал в 1951 году رسкрипт «Будущее человека», в котором не впит нных перспектив для развития общества.

Последним в высшем смысле, который безошибочно решает, кто победит в будущем, является сама история, творимая народными массами.

Известно, что прусские помещики первой половины XIX века всячески высматывали победившие буржуазные отношения и буржуазную идеологию в других странах Европы — во Франции, Англии, Голландии и т. д.

Известно, что русские народники уже в последний треть XIX века рьяно отстаивали взгляд об «особом» пути России, которая якобы должна иновать станию капиталистического развития.

История показала, что прав был Ленин. Когда развернулась борьба между марксистами и идеологами прусских и парских крепостников о будущем развитии общества, правы оказались марксисты, доказавшие неотвратимость победы капиталистического способа производства в тех странах, где он еще не победил.

Когда разгорелась борьба между марксистами и идеологами буржуазии, правы оказались марксисты-ленины, доказавшие неотвратимость социалистической революции. Идеологи буржуазии потерпели крах.

Закон истории неотвратим. Ход истории не могли изменить ни стремление рабовладельцев и их идеологов удержать от гибели свой строй, ни попытки помещиков и их идеологов предотвратить смену феодального строя буржуазным, ни отчаянные усилия класса капиталистов, их политиков и идеологов сдержать могущественные силы, призванные сбросить капитализм в пропасть.

История убедительно показывает, что страны и народы, стоящие на более высокой ступени общественного развития, преуспевают другим странам и народам их будущее, предстоящий и неотвратимый для них путь исторического развития.

Всю историю до Октября 1917 года можно назвать лишь предисторией человечества. Советская власть открыла новую полосу исторического развития. Началась действительная история человечества.

Открыла новую полосу в развитии человечества, народы нашей Родины преуспевают тот путь, на который рано или поздно встанут все другие народы. На этот путь уже встали страны народной демократии. Социалистический строй Советского Союза — это великое, светлое настоящее для народов СССР; вместе с тем это великое, светлое будущее для всех других стран и народов, прообраз грядущих отношений между людьми и народами.

Война коммунистических партий и трудящихся крупнейших стран мира, выражая мысли народов, с признательностью говорит о Советском Союзе, который открыл человечеству путь строительства новой жизни. «СССР превратился в могучий магнит, притягивающий все свободные и зависимые народы мира», — говорит вождь немецкого народа Вильгельм Пик.

Страны народной демократии, освободивший Китай, демократические силы Германии и в странах капитализма с гордостью и доверием смотрят на СССР и на вождя Советского государства Сталина. В то время, как империализм несет колониальным и зависимым странам войны, разорение и растлевание идеологию, — Советский Союз по-прежнему помогает народам, свергнувшим их империализм, строить свободную жизнь, развивать и обогащать их культуру.

Китайский народ сумел в сравнительно краткий исторический срок сбросить вековое иго иностранных империалистов и отечественных феодальных угнетателей; по этому же пути идут ныне народы Кореи, Вьетнама, Филиппин, Индонезии, Малайи. Это исторический опыт показывает выход из рабства и угнетения всем другим колониальным и зависимым народам, показывая их светлое будущее.

То, что является настоящим для народов Китая, выступает будущим для народов, которым предстоит священная революционная борьба против своих угнетателей, освобождение своих стран от вековых врагов — иностранных и отечественных поработителей.

Закон истории неотвратим. Революция угнетенных и эксплуатируемых масс в колониальных и зависимых странах все более расширяется. Она захватывает новые страны, ведет и приведет к той же победе, к которой она уже привела великий китайский народ.

Марксизм-ленинизм, преуказывая народам их будущее, строит свои выводы на опыте самой истории общества, на познании ее закономерностей. Отсюда — несокрушимая логика и объективная сила выводов марксизма-ленинизма. Отсюда — достоверность в научная обоснованность его прогнозов.

Вряд ли можно встретить человека, который не задумывался бы над будущим. Вряд ли можно найти еще такой вопрос из области общественной жизни, в который внесено так много вымысла, самой невероятной фантастики, беспочвенных прогнозов...

Великий Сталин прозорливо и мудро сказал: «История вообще не делает ничего существенного без особой по той необходимости». Именно поэтому социалистический строй с такой же неизбежностью следует за капитализмом, как за льющимся за ним.

Социализм — это настоящее советских людей, наша современность, наша повседневная прекрасная жизнь. Построив социализм, советский народ, под руководством испытанной коммунистической партии, двинется дальше, вперед — он строит коммунизм.

В победе строя, при котором не туняцды, а трудящиеся становятся владельцами всех народных богатств, кровно заинтересовано громадное большинство населения земли, хотя многие люди еще и не понимают полностью путей борьбы и достижения этого.

Империализм противопоставляет коммунизму сумасбродную идею мирового господства США, при котором трудящиеся должны испытать двойной гнет и эксплуатацию — от отечественных угнетателей и иноземных поработителей, а национальные богатства переходят в собственность финансовых тузов США — миллиардеров и миллионеров.

В конце ноября 1951 г. государственный секретарь США Ачесон опубликовал статью «Нет магических средств для решения проблемы», в которой, характеризуя пути грядущего развития, повторяет за Трумэн в Черчиллем: «Мы должны верить, что время работает на нас». Но, проповедуя неотвратимость мирового господства американских империалистов, вышедшие из них, как, например, Томас Дьюн в своем выступлении в Хартфорде 16 октября 1951 г., признают, что американцы еще «слабы для достижения уровня умственной зрелости», тем самым сознавая в бессознательности проводимой ими политики.

Но если уж говорить о зрелости умственной зрелости американцев, то не за горами время, когда все большие массы американского народа будут острее, яснее сознавать глубокую противоположность их интересов хищническим устремлениям монополистов и повелут более решительную и массовую борьбу за свою свободу. Что же касается международного развития, то сами американские сенаторы, поймавшие в Европе и Азии, признаются, что еще никогда не была так глубока невесть народов к агрессивной политике США, как ныне.

Совершенно ясно, что история идет и пойдет к коммунизму — в том направлении, за которое ведет борьбу рабочий класс всех стран. История не может повернуть вспять к фашистско-рабовладельческому строю, который хотят насильно на земле американские миллиардеры.

Империализм стремится сохранить строй, неизбежными проявлениями и спутниками которого являются войны, кризисы, безработица, все увеличивающиеся бедствия и страдания масс.

Расселы и Ачесон хотели бы ускользнуть такой общественной порядок: рай — для туняццев, ад — для людей труда. Но эта враждебная народам идеология и политика терпит крах. Американским империалистам не удастся заковать в цепи рабства два с лишним миллиарда людей. Великий пример народов СССР, строящих коммунизм, объединяет, воодушевляет трудящихся, идеи коммунизма превращаются во все более великую и непроборимую силу.

Спросите у любого труженика города или деревни, живущего в наше время в любой стране света, — кто из них не хотел бы жить в братском обществе людей труда, в материальном благополучии и стать высококультурным и образованным человеком? Кто из них не хотел бы навсегда снять, ликвидировать неуверенность в завтрашнем дне, угрозу самому своему существованию, порожденному меркантильным строем капитализма? Трудно найти труженика, который не стремился бы к такой жизни.

Разве не ясно, что сотни миллионов людей труда, все яснее постигая законы истории, все более объединяясь, становятся в ряды борцов за великую цель, преуказанную им Лениным и Сталиным. История идет в том направлении, за которое борются и с еще большей силой будут бороться рабочий класс и все революционные коммунистами трудящиеся население земли.

Коммунизм не является беспощадной мечтой, фантазией. За ним стоит всенародная сила. Народы все более убеждаются в том, что коммунизм — единственный для них выход, что коммунизм можно и должно завоевать. Но коль скоро народы делают историю и народы решительно встали на путь борьбы за мир, демократию и социализм, то нет сил в мире, которая могла бы повернуть их вспять. Они твердо решили:

Надо вырвать радость у грядущих дней. Пусть злобуют и безумствуют враги коммунизма. Их судьба предрешена. Всемирно-историческое движение народных масс по пути, указанному Лениным и Сталиным, по пути, на котором успешно творят новую жизнь народы Советского Союза, — неотлочно. Коммунизму принадлежит будущее. Это будущее зреет, растет в настоящем. Оно побеждает старое, противящееся миру. Оно победит!

Рис. О. ВЕРЕСКОГО

С НОВЫМ ГОДОМ!

1 Я клянусь — обычный славный Пить вино под Новый год Поднимать бокал заздравный За друзей, за весь народ.

В старину какие тосты? — Чтоб хоть раз наелся вдоволь. Чтоб здоровым был не плох, Чтобы вод, дай бог, не слых.

Пить — так только за соседа. Лишь к соседу на беседу. Слово за его межой Мир чужой.

А сегодня все мы в сборе: Вся страна — одна семья. Пью вино на Черноморье За своих собратьев я.

Водгари, нальем бокала. Чокнемся издалека. Чтоб огнями засияла Волга матушка-река!

Я желаю украинцам, Чтоб увидел мир скорей Море света, что раскинется Над Каховкою мост!

Вам, друзья мои — туркмены, Я желаю, чтоб Узбой Тек в песках рекою лентой, Водной лентой голубой!

Волго-Дон! Пример хороший — Так сплоснясь две реки, Что водой не разольешь их. Пью за дружбу, казак!

Сибиряк, простором жителя! Бурным рекам дай приказ: — Не теките, как хотите, А как выгодно для нас!

Всем друзьям, что мне близки, Расстоянья вопреки, — Исполнения желаний Вам желаю, земляки!

Труженики за кордоном! Пью бокал за вас до дна,

2 Дмитрий ГУЛИА, народный поэт Абхазии. Чтобы в вечности бездонной Напрочь ступила война. А врагам мы говорим: Пусть счастья столько будет им. Сколько капель я оставил В том бокале с дном сухим.

Я клянусь — обычный славный Пить вино под Новый год! Всех друзей мой тост заздравный Погостит у нас зовет.

Здесь гостям — любовь и ласка. Здесь горячие сердца. Мы поднимем по-кавказски Рог — за Сталина-отца!

Чтобы жыл еще сто лет он, Вождь родной, на радость нам, И Отчезта расцвету Чтобы радовался сам!

3 Ты видишь: я сед. И под вечер Мне давн на плечи несут... Чего бы хотел я? Отвечу — И много, и мало, мой друг.

Хотел бы ковшем-исполном Ворочать громады земли, Чтоб великим великим плотинам Ось основаньем легли.

Хотел бы с геологом рядом Пройти Кара-Кумы пешком — С пыльным нацеленным взглядом, С тяжелым залеченным мешком.

Хотел бы увидеть в Рустави Сжигание жарких огней. Роденье сверхзвуковой стали В республике славной моей.

Хотел бы в степях Украины До самого Крыма шагать. Другьям-ленинградцам машины Для строек помочь собирать.

И каждую верную руку Сердечно позвать на пути.

4 И с вами, товарищи внуки, До дней коммунизма дойти. Как видишь — и много, и мало... Но как у друзей повелось — Ты вспоминая за бокалом, Желая, чтоб это сбылось!

5 Помню новогодний день грозный, Десять лет назад был день такой. Бились волны моря с гулким зовом, Вспененные вражеской рукой.

Горизонт был туманн окован... Сам себя я спрашивал тогда: Что за гром грохочет? И каков он, Подлый враг, явнившийся сюда?

Десять лет прошло с тех пор... И что же? Я опять стою на берегу. Где ж тот враг, что море зря тревожил? И помню нет тому врагу!

6 Горизонт сняла граница... Я упорно вдаль смотрю оный. Разглядеть бы, кто это стремится Назад море снова волновать!

7 Взгляд его каков и цвет волос? И во что одет он? Лоб и нос У него какие? Или нет? Человечья у него примет?

8 Пусть врагам ответ мой будет ведем: Годы пролетят — останусь тут. А враги сегодняшние следом За врагами прежними пойдут.

9 Десять лет назад одним мы были. А другие помнят пусть сейчас: Мы уже не те, что прежде были, Мы еще сильнее — в десять раз.

10 Вот рука — рука большинства! Ты попробуй, как она крепка!

11 Что в Москве весенних зорь не гасят Никогда потемки, Что идет он русской столицей В мае на рассвете... И впервые в жизни не боится Ничего на свете.

12 В белых шапках здания... Но теплей и легче в мире людям От ее дышанья.

Перевел с абхазского Марк СОБОЛЬ

ЗИМА В МОСКВЕ

Ходит ночь, заглядывая в окна Поднимая огнями, И шагн то скрипнут, то заглохнут Где-то рядом с нами.

Снег ложится хлопьями большими, Землю покрывая, Мчатся заглодавшие машины, Едут в парк трамвая.

Транспортеры подставляют спинки, Снег лопаты месят... На высотном доме, тучу сдвинув, Примостился месец.

Ирина СНЕГОВА

Ходит ночь. Давно заснули дети. Город ровно дышит. И, свернувшись, белый змийный ветер

Спит на белой крыше.

А, наверно, где-нибудь в Техасе Снятся негретуку,

Дела и мысли Ивана Ивановича Иванова

В Москве рядом с древним Донским монастырем, на виду у величественного здания Московского университета, что строится на Воробьевых горах, живет и трудится русский человек, рабочий Иван Иванович Иванов, один из миллионов советских граждан.

Этот станок, получивший марку «1620», как бы является первенцем техники коммунистического будущего. Он не только повышает производительность труда, но максимально облегчает труд рабочего.

ГОСТ

...А когда провозглашены самые главные заповеди — за любимого Сталина, за Родину, за ее расцвет, за счастье нашего великого советского народа, — давайте, друзья, пожелаем в Новом году новых удачи, новых взлетов нашей литературе.

СЛУЧАЙ В ВОЗДУХЕ

Погода была неприятной... Холодный порывистый ветер бил лужи на равнине аэродрома. Грязные облака низко и быстро летели над землей.

В воздухе Николай Евсеев принял приказ: с северо-запада, курсом на П. летит нарушивший границу страны американский самолет. Отрезать ему путь назад, принудить к посадке.

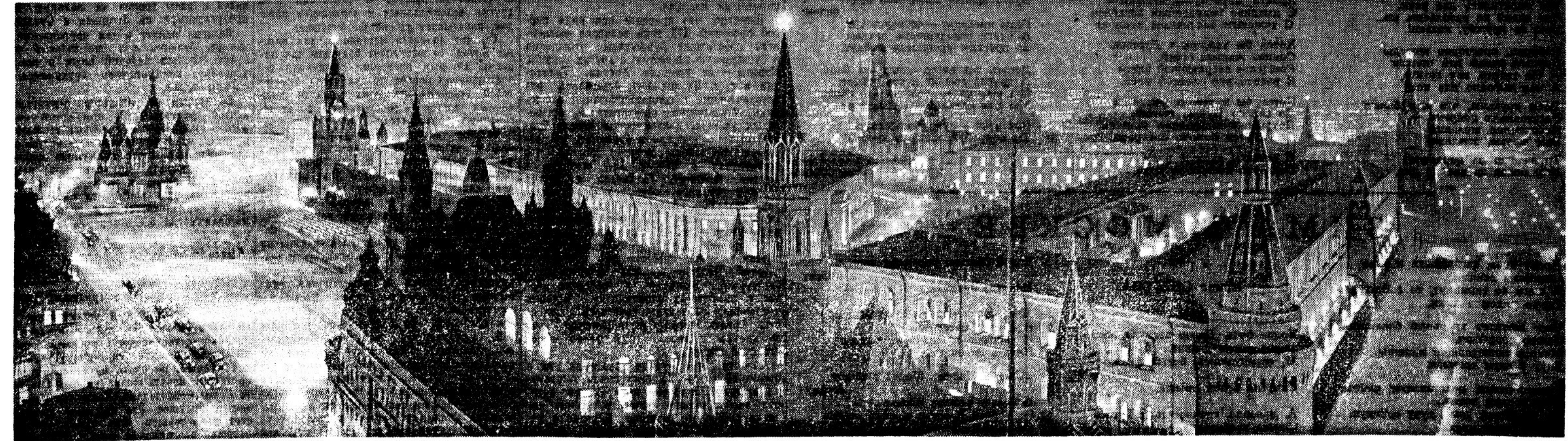
толкнул Эрли и показал ему направо: там подходила к крылу вторая пара истребителей. Самолет был плотно зажат с обеих сторон. Эрли быстро посмотрел вверх: там, и пока еще совсем низко, должны были спускаться облака.

Юхан ШМУУЛ

В ПЕРЕД, ВРЕМЯ!

Добрый народ мой, Сильный и смелый! Нашей великой Отчизны народ!

Мчись, паровоз, по бескрайним просторам, Далекие эхо гудками буди!

Москва. Вид на Кремль. Фото В. ТИХАНОВА

ОБ АВТОРАХ ЛЮБИМЫХ КНИГ

В «Литературную газету» поступило письмо:
 «Уважаемые товарищи! В нашем селе Крупино (колхоз имени Кагановича) Павлов-Посадского района, Московской области, год назад открылся книжный магазин. Это было для нас большое событие. Колхозники очень охотно покупают литературу — и не только сельскохозяйственную, но и художественную. Но колхозники интересуются не только книгами, но и их авторами. У меня нередко спрашивают, как звали советские писатели свою литературную деятельность, как складывалась их жизнь. К сожалению, я не могу ответить на многие из этих вопросов. И я прошу сделать эту редакцию. Прилагаю список писателей, биографические сведения о которых хотелось бы узнать»
 А. КОСАРЕВА, заведующая книжным магазином»

В списке т. Косаревой около пятидесяти имен. Здесь и зачинатели советской литературы, и писатели среднего поколения, и молодежь.

По-разному складывались их судьбы. Об Алексее Николаевиче Толстом тов. В. М. Молотов говорил на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов: «Передо мной выступил всем известный писатель А. Н. Толстой. Кто не знает, что это бывший граф Толстой. А теперь? Один из лучших и один из самых популярных писателей земли советской — товарищ Алексей Николаевич Толстой...»

Федор Гладков родился в бедной крестьянской семье. С малых лет был «мальчиком» в антикастерском магазине, потом наборщиком, затем учителем в далеком забайкальском селе. Создатель чудесной «Малыхитовой шкатулки» Павел Петрович Бажов был сыном горнорабочего.

Старшие советские писатели — и список их велик — прошли в свое время через царские тюрьмы и ссылки, ныне — суровую и благородную школу революционного подполья. Так сложилась жизнь Николая Лажина. Сын рабочего и сам рабочий-товар, он дважды ссылался за подпольную революционную работу, сидел в тюрьмах. С инициативой участвовал в революционном движении другой старший наш писатель Владимир Баммель — член Томского комитета большевиков в феврале 1917 года. В 1908 году будущий народный поэт Белорусии Якуб Колас, а тогда еще скромный сельский учитель был приговорен за революционную деятельность к трем годам тюрьмы. Старший таджикский писатель Садриддин Айни, поднявший голос против угнетателей, был приговорен к жестокому наказанию бухарским эмиром. С Юношеских лет участвовал в революционном движении лучший талантливый поэт нашей советской эпохи Владимир Маяковский.

«...Только пулеметчик Вишневецкий, боец Петров Копной, один из могучего коллектива ее героев, смог создать эту вещь — нашу вещь — конармейскую. Без выдумки, без прикрас, без ложного пафоса боец рассказал о боях, герой — о героях, конармейца — о конармейцах». Такую оценку пиесе «Первая Конная» и ее автору — советскому драматургу Всеволоду Вишневецкому дал маршал Советского Союза С. М. Буденный.

Побойно Вишневецкому, с оружием в руках защищавшему завоевания Октября многие, ставшие впоследствии известными, литераторы. Это — боевой комиссар Чапаевский Дмитрий Фурманов, и боец прославленной бригады Котляковского тогда еще 15-летний комсомолец Николай Островский. В разгаре белогвардейских банд Юденича участвовал молодой боец Красной Армии Николай Тихонов. Крестьянский сын Алексей Сурков — «мальчик» в петербургском мебельном магазине, затем столяр, затем весовщик в морском порту — стал бойцом-пулеметчиком. Артиллерийский офицер в годы первой мировой войны Борис Лавренев, после того, как грянула Великая Октябрьская социалистическая революция, добровольцем вступил в ряды Красной Армии, командовал бронепоездом, был тяжело ранен. Добровольно пошел на фронт гражданской войны бывший батрак, рабочий асбестовых приисков Степан Шипачев.

С партией Ленина—Сталина связан с юношеских лет свою судьбу Александр Фадеев. Семнадцати лет он вступил в ряды большевистской партии, работал во владостокском подполье, девятинадцатилетним — был уже комиссаром бригады. Участник X съезда партии, Фадеев вместе с другими делегатами отпирался на подавление кронштадтского мятежа; при штурме крепости он был ранен — второй раз за гражданскую войну. Все новые и новые писательские имена выдвигались из рядов народных. С первой своей книгой вскоре после гражданской войны выступил недавний участник протоздра на Дону Михаил Шолохов. В 1926 году вышла первая книга «Брусково»; ее автор Федор Панферов был подпольным слушателем учительского семинария, после Октября — деревенским агитатором, чекистом, партийным работником. Примерно в эти же годы пришел в литературу Петр Навенко — партийный работник, потом советский дипломат. Вероятно, на Суайском металлургическом заводе не предполагали, что рабочий маргеновского цеха, а затем инженер Владимир Попов станет автором романа «Сталь и пламя». Тогда автор «Земли Кузнецкой» Александр Волошин еще работал забойщиком на Осиновском руднике в Кузбассе, а романист Василий Гроссман — химиком-газавалитиком на одной из шахт Донбасса. Тогда Борис Полесов работал технологом на текстильной фабрике «Пролетарка» в Калининне, а Самел Вургун учительствовал в азербайджанском селе Ина Салахлы.

Учительствовали в свое время также С. Сергеев-Ценский, Андрей Унит, Андрей Малышко, Михаил Бубеннов. Не мало писателей пришло в литературу из журналистики. Это Николай Погодин, Вера Павлова, Константин Седых, Николай Вирта, Анатолий Суров, Ганс Деберехт, Василий Ильяев.

Сын смоленского крестьянина-бедняка Михаил Исаковский вынужден был даже грамоте обучаться сам. По-ининому складывалась судьба молодых писателей, выросших в советское время. Земляк М. Исаковского, сын сельского кузнеца Александр Твардовский учился в Московском институте истории, философии и литературы. Рабочий Сталинградского тракторного завода Михаил Лукин окончил Литературный институт имени А. М. Горького.

В условиях буржуазной Латвии дочь бедного латышского крестьянина Анна Саксе была вынуждена бросить университет, поступить на работу корректором. А Владис Ладис, уже напечатав свои первые книги, попрежнему продолжал работать грузчиком в рижском порту.

В тюрьме панской Польши были написаны белорусским поэтом-революционером Максимом Танком первые стихи. Его первая книга «На этапах» была конфискована на полицию. Такая же участь постигла и первую книгу Ванды Василевской.

Большая группа молодых писателей, пользующихся ныне всемирной известностью, пришла в советскую литературу после победного завершения Великой Отечественной войны. С переднего края великой битвы за свободу и независимость нашей Родины пришли сапер Виктор Некрасов, легионер Эмануил Казакевич, партизан Петр Вершигоров, минометчик Олеся Гончар и многие другие.

Вспомогательные в своем творчестве С. Углицкого, Андрей Унит, Андрей Малышко, Михаил Бубеннов. Не мало писателей пришло в литературу из журналистики. Это Николай Погодин, Вера Павлова, Константин Седых, Николай Вирта, Анатолий Суров, Ганс Деберехт, Василий Ильяев.

Вспомогательные в своем творчестве С. Углицкого, Андрей Унит, Андрей Малышко, Михаил Бубеннов. Не мало писателей пришло в литературу из журналистики. Это Николай Погодин, Вера Павлова, Константин Седых, Николай Вирта, Анатолий Суров, Ганс Деберехт, Василий Ильяев.

Вспомогательные в своем творчестве С. Углицкого, Андрей Унит, Андрей Малышко, Михаил Бубеннов. Не мало писателей пришло в литературу из журналистики. Это Николай Погодин, Вера Павлова, Константин Седых, Николай Вирта, Анатолий Суров, Ганс Деберехт, Василий Ильяев.

Ночь в библиотеке

ФЕЛЬЕТОН

Уютный двухэтажный дом
 И в нем библиотека.
 Сидят за праздничным столом
 Четыре человека.
 Их освещает лунный свет,
 А между тем людей здесь нет.

Не люди, тени их сидят
 Тут за столом сегодня,
 (Словность эту нам простят
 В рассказе новогоднем).

Сидит директор МТС,
 Известный по одной из пьес.

Сидит и украшает пир
 Дивчина Босвая,
 (В издании новом — бригадир,
 А в первом — звеньевая).

Она из повести пришла
 И скромно села у стола.

Сидит парторг, немолодой,
 Серьезный, симпатичный,
 Но почему-то холостой,
 Несчастный в жизни личной.
 С ним рядом — токарь-скоростной,
 Герой одной... нет, ряда книг.

Двенадцать скоро... Новый год
 На смену старому идет.

Директор слово взял: — Друзья,
 Вы видите страдальца,
 Взят вовсе не из жизни я —
 Я высосан из пальца!
 Со мной, друзья, случилась беда:
 Я шел вперед вначале,
 Но литераторы тогда
 Меня не замечали.
 В драматургию я попал,
 Как только малость поотстал.

С тех пор на сцене я стою
 И отстаю, и отстаю...
 Я отстал не первый год,
 Но от меня не отстают
 Мой автор и упрямо
 Из драмы тащит в драму.

Давно, казалось бы, пора
 Остаться мне в покое.
 Другие есть директора,
 Директора — герои.
 Их окружают в наши дни
 Любовь и уважение,
 Так почему же не они,
 А я хожу по сцене?
 Ведь зритель хочет новых пьес
 Без штампа и шаблона...

Директор вынул и... исчер!
 Пока — из фельетона.

Но трое продолжали пир.
 — А разве я живая? —
 Вдохнул колхозный бригадир.
 На автора кивая.
 Колхоз, цветущие края —
 Ну чем тема не тема!
 Где эта тема, там и я,
 Но в этой повести, друзья,
 Живу сама я не своя:
 В ней я — не я, а схема.

Вначале я, как все, тружусь,
 Рекорды добиваюсь,
 Но вдруг зачем-то узнаюсь,
 От массы отрываюсь,
 Теряю даже жениха,
 Меня сомнения мложут —
 И становлюсь я так плоха,
 Что хуже быть не может.
 Но что бы ни было со мной,
 Как правило, в финале

Я становлюсь опять такой,
 Какой была вначале.

Мне надоело, признаюсь!
 Ведь только для интриги
 Я так полно узнаюсь
 Во всех изданных книгах.
 Нет! В наступающем году
 Такой я в книгу не войду!

И сразу... Что такое?
 Осталось только двое.

Встал бледный токарь-скоростной,
 И сразу же смутился.
 Он бледен был, как главы книг
 Из коих он явился.

Он, оглядев читальный зал,
 Сердитым голосом сказал:
 — Я скоростник, но мне порой
 Досадно и обидно.
 Что автор метод скоростной
 В своей работе надо мной
 Зря применял, как видно.

Мне автор дал завод, как фон,
 И что-то, между прочим,
 Изобретать заставил он
 В пустой квартире ночью.
 Я срочно выдумать хочу
 Какую-то машину

И что-то по ночам черчу,
 Не разглаголюю спину,
 Хотя прекрасно знаю сам,
 Что очень некрасиво
 Работать скрытно по ночам
 Вдали от коллектива...
 Тем более, что это — ложь
 И не в моей натуре!
 Нет! На себя я не похож
 В такой литературе!..
 Я пью за то, чтоб я пропал
 Из этого романа.
 Скорей налейте мне бокал
 Холодного наравна!
 С тех пор как я попал в роман,
 Я даже в праздник пишу паразит,
 И, кончившись с парторгом,
 Он вдруг исчез с восторгом!

Парторг остался сам с собой,
 Он был, как небо, голубой.
 Его ведь автор наделил
 Чертами неживыми,
 Его ведь автор начал
 Тирадами одними.
 Хотел он тост произнести
 В честь новогодней встречи,
 Но нужных слов не мог найти:
 Прямых или к книжной речи.
 Он лишь сказал, вздохнув с тоской:
 — Ну, разве в жизни я такой,
 Как этот отщип бедный? —
 Махнул на автора рукой,
 Встал и... исчез бесследно!

А Новый год пришел и в миг
 Нашел друзей среди многих книг.
 Нашел живых героев он,
 Мы все про них читали,
 Но потому-то в фельетон
 Они и не попали.
 Им старый год принес успех,
 Их, как друзей любимых,
 И Новый тоже примет всех,
 За исключением только тех,
 О ком здесь речь веди мы.

А речь веди мы против схем,
 И пусть не будет их совсем!
 Пусть схематичные фигуры,
 Печальный свой удел кляня,
 Исчезнут из литературы
 В сиянии голубого дня.

МИР СОЗИДАНИЯ

ПИСЬМА ИЗ СТРАН НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Румыния — наш дом

Давно уже известно, что «Голос Америки» весьма «озабочен» положением рабочих в странах народной демократии. Вот и в передаче 5 декабря заочные радиопрограммы прошли по этому поводу очередные крокодиловы слезы. На этот раз их «соучастие» вызвал известный в нашей стране шахтер-стахановец Людвиг Поп из Долины Жуна, ныне директор крупной шахты в Шотынге. Оказывается, как вещал в тот день «Голос Америки», Людвиг Поп лежит в больнице, тяжело больной туберкулезом. И все это, видите ли, из-за того, что он, как и другие румынские стахановцы, работает с нечеловеческим напряжением.

А через несколько дней в «Скитайте» был помещен ответ Людвика Попа злобным клеветникам.

«Что это вдруг захотелось господам из «Голоса Америки» объявить меня больным, лежащим в госпитале? — писал он в своем письме. — Не нравится, видно, американским бандам, которые столько времени грабили богатства нашей страны, что сегодня мы свободно трудимся для себя, для своих семей...»

Я рассказал об этом случае потому, что, как мне кажется, в нем отражены некоторые характерные черты сегодняшней жизни моей родины. В этом факте можно увидеть, какой размах приняло наше молодое стахановское движение, как выросла сознательность наших людей.

Румынский скульптор или живописец с полным правом мог бы изобразить 1951 год в виде стахановца. Рост стахановского движения — один из самых отрядных итогов прошедшего года. И говоря о появлении и бурном развитии этого движения в нашей стране, мы не можем не высказать великому советскому народу нашу любовь и нашу признательность за братскую заботу и за щедрость, с которой он делится своим опытом. Этот опыт для нас, как солнечное тепло для растений; оно проникает во все поры, оно ускоряет рост и приближает пору цветения...

В речи, произнесенной в 1948 году, Анна Паукер говорила: «Нам был дорог этот дом — наша страна — и тогда, когда мы работали в нем под кнутом хозяев, но их мы ненавидели и боролись, чтобы разгромить их. Теперь же, когда народ становится его хозяином, с каким подъемом и любовью работаем мы и будем работать, чтобы сделать его еще краше, еще богаче, чтобы раскрыть его богатства...»

— Да, Румыния — это наш дом, — так отвечают своими мыслями и делами миллионы тружеников моей родины. Мечты, борьба, напряжение, труд, труд все более продуктивный, разумный, радость открытий и побед — все это теперь сливается в нашей жизни воедино, все это движется вперед к величественной цели построения социализма и защиты мира.

Так встречает румынский народ 1952 год.

Мария БАНУШ

БУХАРЕСТ, 31 декабря. (По телеграфу)

Счастье Польши

В истекшем году мы много путешествовали по родной стране. Мы видели, как в горах, где раньше самым крупным сооружением была тюрьма для рабочих, сегодня растут цехи заводов-гигантов. Мы видели, как возникают земельные производственные кооперативы в деревнях, и крестьяне, которые в былые времена враждовали между собой из-за нескольких колосков ржи, сейчас ведут сообща свое хозяйство.

Мы побывали на заводе грузовых автомашин в Люблине, вступившем недавно в строй. Всего два года назад на месте нынешнего завода еще шумели хлеба... Реакционеры из польского духовенства распустили тогда слух о «чужде» обновлении иконы в Люблине. Тысячи крестьян отрывались от жатки, собирались толпами и заполняли улицы старого города. Затем ватиканские реакционеры провозгласили, и подлинным чудом для окрестных крестьян явился этот большой завод, созданный с чудотворенной быстротой энергией освобожденного народа.

В гостиные для рабочих мы увидели на постели одного из них выдающуюся вышивку, зачитанную до дыр книгу Василия Ажасова «Далеко от Москвы». Надо сказать, что люблинская стройка находится от Москвы совсем «недалеко», ей близки советский опыт, советские методы работы — самые передовые в мире. Наши грузовики выпускаются по образцу советских машин «ГАЗ». Автомобили типа советской «Победа» сходят с конвейера завода в Жерани.

Вспоминается поездка в Гожалковичы, где сооружается огромный водоем площадью в 50 кв. км. Будущее становится сейчас столь осязаемым, что когда главный инженер строительства сказал: «В Гожалковичах есть плотина и водоем, — вместо «будет», мы как-то даже не обратили внимания, что собеседник оговаривался. И мы понимаем стремление, что между днем сегодняшним и завтрашним стираются привычные межи. «Есть» и «будет» сливаются иной раз в одно, и так появляется очень своеобразная грамматическая форма — некое «будущее настоящее».

В одной из деревень, крестьяне которой объединились в единое кооперативное хозяйство, мы перезжали на лодке через реку. На веслах — молодой парень. Мы спросили его:

— Кем ты будешь?
 Он ответил:
 — Я еще не решил. Но ведь теперь человеку есть что выбрать для своего будущего.

Так ответил сын польского крестьянина. Так думают сегодня миллионы людей в Польше. Да, перед нашим идушем к социализму народом открылось прекрасное будущее. И потому с такой торжественной радостью встречает наша страна наступающий 1952 год.

Роман БРАТНЫЙ и Витольд ЗАЛЕВСКИЙ

ВАРШАВА, 31 декабря. (По телеграфу)

Письмо из Кореи

Это было в ночь под 1951 год. В эту ночь мне приходилось очень трудно — осколками снарядов убило двух мальчишеских сестер и их помощника. Раненым было так много, и их надо было унести с поля боя в кусты, где укрывалась звукока, сохранившая рейсы в санитарной палатке. Ким Ги Юна я вначале приняла за мертвого. Он лежал на холодной земле и не шевелился. Но когда я поравнялась с ним, он тронул меня за плечо. Глаза раненого смотрели на меня так, что у меня скалося сердце.

— Прощай, маленькая чене (девушка) — скорее угадай, чем услышала я. — Мой новый год наступил, а другого я уже не увижу.

Раненый захрипел, и глаза его закрылись. Я приложила ухо к залитой кровью гимнастерке, сердце билось чуть слышно. Покаянное безжизненное тело на спину, и пошатывая раненого по знакомой дорожке. Ким Ги Юн был очень тяжело, и я устала — мой шел уже около семи часов. Через каждые десять минут я останавливалась, и в силах сделать больше и шага. Наконец, я увидела звукока, потом все поплыло перед глазами. Очнувшись я уже в санитарной палатке. Взяли и санитар несли раненого на операционный стол, а наш старший врач, которого мы все зовем Абохи (отец), говорил мне серьезно:

— Кажется, это уже твой двадцатый. Отдохни, я пошла туза сестру. Врач начал осматривать раненого. Потом он встал и посмотрел на меня. Это был знакомый взгляд. Не спрашивая ни о чем, я спросила гимнастерку и обложила левую руку. Раненому нужна была кровь. В ту самую минуту, когда шел Ким Ги Юна, расprostерого на столе, начали медленно розоветь, погнутый буляжник хрипло зашевелил. Было двенадцать часов. Врач добродушно сказал:

— Ну вот и пришел новый год, который принес жизнь этому молодцу. — он кивнул в сторону Ким Ги Юна.

В эту поворотную ночь мне так и не пришлось хоть немного поспать.

Наши потешники американцев. Началось быстрое продвижение вперед корейской Народной армии, и санитарная часть, где я находилась, тронулась вслед за атакующими.

Через несколько дней врач сказал, что меня представлял в палатке. Я очень обрадовалась, но мне было как-то неудобно. Ведь я не солдат, я только мальчишеская сестра. Солдаты — герои. Они сражаются, а мы, сестры, только помогаем им, когда их ранят.

В мае меня вызвал начальник и приказал ехать в Пхеньян. И вот вечером в поезде залез, залезом электрическими огнями, от которых я давно отвыкла, председатель Президиума Верховного Народного Собрания Ким Ду Бон приколол к моей гимнастерке Золотую Звезду Героя Корейской Народно-Демократической Республики.

Я редко плачу, но тут не выдержала и заплакала. Когда меня попросили сказать что-нибудь, я смогла только спросить:

— За что мне оказана такая честь? Тогда встал мой командир полка в начале рассветных сумерек. Мне хотелось спрятать кула-нибуку полагать, чтобы никто не видел моего взволнованного лица. Он сказал, что я вынесла из сражения 210 раненых и отдала уже около четырех литров крови.

— Она пастышник храбрый солдат. — так заочил командир свою речь.

Когда я вернулась в свою часть, там меня ждало письмо. На нем был указан необычный адресат: «Маленькая чене».

Это письмо и всегда было со мной. «Маленькая чене! Ты спасла нашего отца. Мы никогда его не забудем. Когда кончится война, приедем к нам в деревню. Ты будешь нашей сестрой».

Так писала трое детей Ким Ги Юна, а внизу была крохотная привиска их матери: «Пусть этот год, когда ты спасла жизнь мужа и отца, будет самым счастливым годом для тебя, маленькая чене».

Летом мы сказали, что я в числе других корейских юношей и девушек буду участвовать в Международном фестивале демократической молодежи в Берлине. Вью ночь я не стала: ведь путь в Берлин лежит через Москву.

И вот я в Москве. Незнакомые люди прямо на улицах обнимают и целуют меня и других корейцев. Я колпика по залитым электрическими огнями площадям и чувствовала, что этот шумный город родной мне и близкий.

В Берлине было много юношей и девушек. Мы все говорили на разных языках, но хорошо понимали друг друга. Когда я крикнула с трибуны:

— Те, кто шлет доброту в наших страданиях, найдут лишь смерть, — из зала поднялся тысяча сжатых кулачков. В этом зале не было ни одного человека, кто бы не понял моих слов.

Когда я уезжала, девушка-солдат из Вьетнама поливала мне на память картинку. На ней был изображен лес, который тянется через всю страну Вьетнама.

— Они забываются и погибнут в этом чудном до пик лесу, в котором мы чувствуем себя дома. Смерть врагам, — сказала девушка.

Тогда я написала для нее горы Кореи в повторах!

— Смерть врагам! Они забываются и погибнут в этих горах, которые, как стражи, оберегают мою родину. На прощанье мы обнялись. Мы возвращались каждый на свою родину, чтобы воевать.

Так прошел для меня 1951 год. В бою, во встречах с настоящими бойскими друзьями. Новый, 1952 год я проведу в своей части, в кругу боевых друзей.

Ли СУН ИМ,

Герой Корейской Народно-Демократической Республики

ПХЕНЬЯН, 31 декабря. (По телеграфу)

Что ждет рядового американца в 1952 году

Невеселое у нас в этом году рождение. Родят на Нью-Йорке рождественские колокола, владельцы магазинов усердно вывазывают на касовых аппаратах самые разнообразные мелочи, в радиостудиях стоят огромные разукрашенные елки, но веселья что-то не получается.

За всю свою жизнь я не припомню другого такого странного, унылого праздника. Это гнетущее, тревожное настроение не выражает влуд, но оно чувствуется во всем. Видно, как Корея на далеко, а страшных дел, которые там творятся, не скрощь. Прежде Нью-Йоркские только плечами пожмала, слыша об очередных грязных журналистских комбинациях, вскрывая в Вашингтоне; но ведь сейчас за всем этим стоит призрак атомной войны.

Да, без особой радости мы вступаем в тысяча девятьсот пятьдесят второй год. Цены растут с невероятной быстротой. Рядовой американец с ужасом взирает на все. Особенно туго приходится рабочим. Все меньше мяса на столе, меньше овощей, меньше одежды, а зима в этом году на редкость сурова. Однако Вашингтон не поаает никаких надежд на то, что этой безудержной инфляцией будет положен конец.

Можно сказать, у нас на глазах богачи богатеют, а бедняки становятся еще беднее. Независимо вывозе погрузил презид в Нью-Йоркском метро; не исключено, что в 1952 году стоимость билетов увеличится еще на столько же. Повысились и железнодорожные тарифы, а в поездках грязь, и неудобств для пассажира мало. Наш прекрасный город зажат лонелья; на улицах полно мусора, движение в чудовищном беспорядке, льм и копоть пеленкой застилают небо.

Нью-Йорк — богатая добыча для шайки ворон, безнаказанно грабятщих его население. Впрочем, и в других городах дело обстоит не лучше.

ФилADELFIA остраивает впечатление большей трушбуйи.

Чикаго так же непрезентабелен и грязен, как Питсбург.

А в Питсбурге парит тот же дух разложения и гниль, что и в Бостоне.

1952 год сулит нам пушки вместо масла! Улицы прыдут в еще больший плакат, а жилищное строительство почти прекратится. Попадутся ряды малолетних преступников — порождение трушбуйи и гетто больших городов, где полчища торговцев выростками собирают обильную жатву, лея ее со взятчиками из муниципалитетов и полиции.

1952 год будет в США годом больших столкновений, — тут не приходится заблуждаться.

Когда я думаю о том, сколько мужества и стойкости проявила лучшие люди Америки в условиях трушбуйи-атомной диктатуры террора, и горжусь тем, что я американец.

Сколько выдающихся деятелей рабочего класса в аинтелигенции было за минувший год брошено в тюрьмы или посажено на скамью подсудимых, а все-таки борьба продолжается! Отважные руководители американской компании томятся за решеткой, но партия попрежнему борется и организует массы.

Наш рабочий класс замешивался, и в наступающем году мы будем свидетелями крупнейших стычек, быть может, самых значительных за все послевоенное время. Порочные грузчики не захотят больше терпеть презрительство и вероломство профсоюзных ботов. Рабочие сталелитейной и автомобильной промышленности, зато полагать, тоже выступят; они должны выступить, иначе их ждет голодная смерть. Встанут на борьбу и рабочие других отраслей производства.

Всего не предскажешь, но может статься, что за этот год борьба рабочего класса значительно изменит политическое обстановку в стране.

Будущий год — год президентских выборов в Америке. Это означает, что а ра-

догового американца посылаются, как из рога изобилия, всеческие неблагодарные и жгучие обещания, польются несостоятельные потоки худы. Можно наперед сказать, что никакой существенной разницы между преобладающими программами обеих главных партий — демократической и республиканской — не будет. В основных вопросах, таких, как война или прекращение войны, прибыли для капиталистов, они вполне единодушны; что же до некоторых различий, якобы существующих в подходе к рабочему классу, то эти различия лишь кажущиеся и сводятся исключительно к тактике. И Трумэну нелегко будет вновь разыграть ту демагогическую комедию, которую он разыгрывал в 1948 году. Его президентство ознаменовалось слишком большим количеством кровавых, грязных дел и нарушенных обещаний.

Малыный пузырь военного процветания лопнул на виду у всех трушбуйищихся Америки.

Восьма вероятно, что 1952 год принесет новую волну правительственного террора. Пятдесят политических заключенных — представителей рабочего класса — предстанут в этом году перед судом, а может быть, и не только пятьдесят. Но я думаю, что наш народ будет теперь протестовать решительнее, чем во время предшествующих процессов. Шесть лет американская печать обливает дождью и клеветой силы мира и прогресса. Наши люди уже не чувствительны к этой лжи. Они начинают проникать мыслью сквозь ее толщу.

Американцы не ждут войны в 1952 году. Она была бы желанной только для Уолл-стрита и его агентов, трюкстов, изменников родины из числа «перемещенных лиц» или каких-нибудь заблудившихся социал-предателей. Вашингтонский сворок пужна мировая война, но рядовой американец не хочет ее.

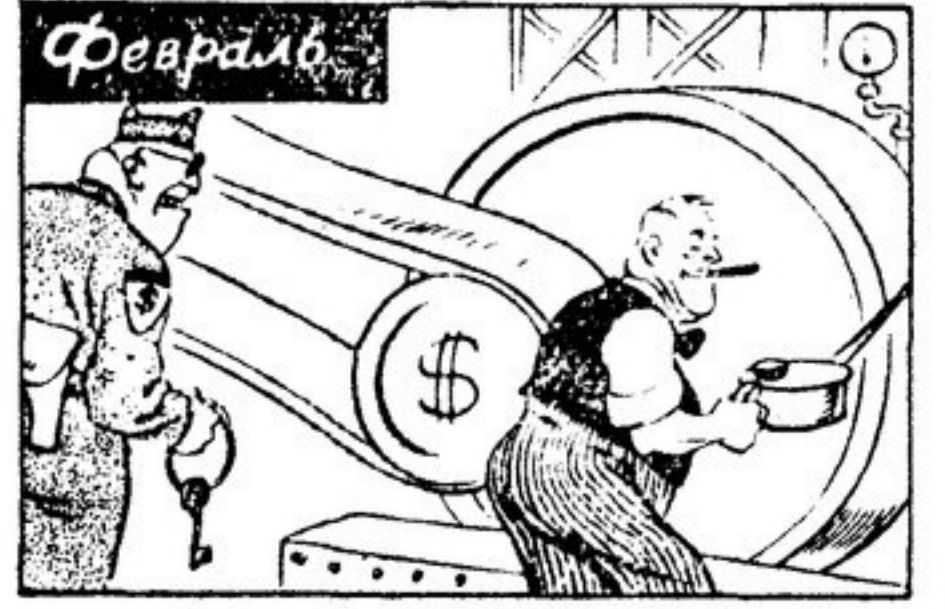
Если окончится кровавая бойня в Коре, не только будет способствовать огромному росту движения за мир, но и поднимет мировой уровень американского народа на новый, более высокий уровень. Однако нужно отбросить себе отчет в том, что ультра-сталинская банда придет в еще большее вешество, ибо для нее мир так таят зерно экономического кризиса, особенно, если программа вооружений не будет сокращена.

Можно ли обойти молчаливо приск

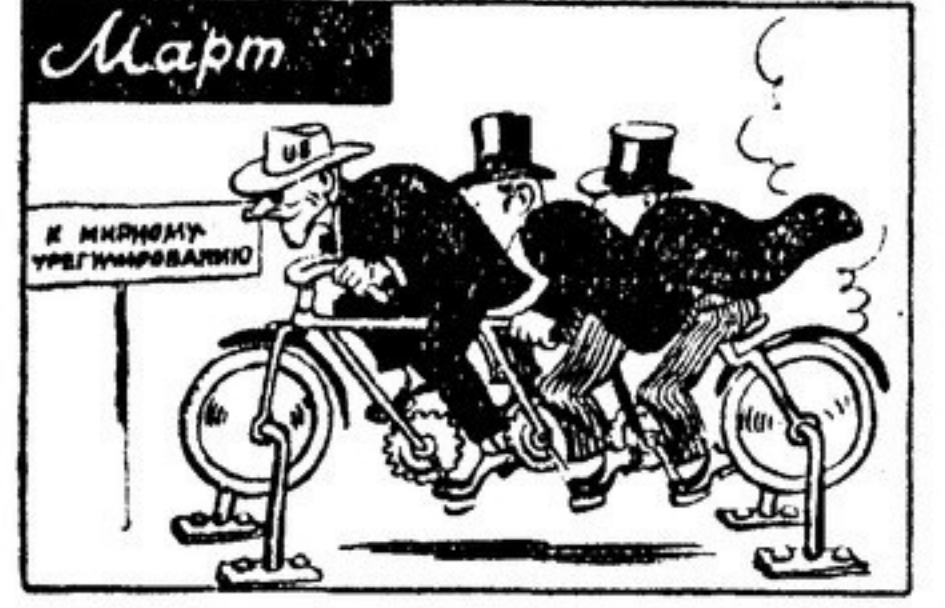
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Американский дед-мороз. Вопреки традиции, рождественский дед является в Западной Европе не с полным мешком, а с тарой, которую он хотел наполнить.

Армия Крупна. «О дайте, дайте мне свободу — я налажу военное производство...» Свободу дали. Гонка вооружений началась. Но история знает, чем это уже однажды наполнилось.

Бег на месте. Представители трех западных держав в парижском Розовом дворце «энергично» стремились к достижению соглашения с СССР.

Парад полководцев. Битый в Корее Макартур уступил свои патетические обязанности Риджуэй (тоже вскоре битому).

География агрессоров. Греция и Турция получили право вступить в Северо-атлантический блок.

Новое в архитектуре. В связи с процессом одиннадцати лидеров коммунизма реконструировано здание Верховного суда США.

НОВОГОДНИЕ ВЕЧЕРА В АНГЛИИ

«Средний человек» — понятие безусловно вымышленное. Это статистический термин, изобретенный американскими жуэчендами. В реальной жизни понятия «средний человек» ничто не соответствует. Можно ли установить «средний цвет» между голубыми и карими глазами? Американский статистик возьмет двух человек и построит свой анализ так: рост одного — два метра, а другого — полтора. Отсюда вывод — средний рост всего населения в данной местности метр и три четверти. Подобных людей он не видел, но имеет ли это для него значение?

С помощью добытых таким путем, дорогих его сердцу, «средних» и «типических» данных буржуазный статистик по своему желанию толкует и извращает социальную действительность.

Можно ли свести к одному уравнению, к одному статистическому понятию новогодние надежды английского предпринимателя, с лозунгом «Видом потирающего руки и рассчитывающего заработать на тонне вооружений», и новогодние тревоги жены рабочего, которая каждое утро с ужасом узнает об очередном повышении цен, с новой силой опустошающем ее и без того тощий кошелек?

О чем думает англичанин? Какие мечты и надежды связывает он с новым годом? В поверхностных обобщениях мы не найдем правильного ответа на этот вопрос. Давайте как бы незримо посетим несколько новогодних вечеров и посмотрим, что происходит в Лондоне.

Уэст-энд, аристократический район английской столицы, готовится к веселой встрече Нового года. Рестораны для богатых обеспечены иллюминациями. Великие другие блюда также заготовлены в изобилии.

Обычный уэин закончен, и насытившийся директор крупной компании, называя новогодний цветной бумажный комок, курит толстую сигару. В то время как на залитой светом прожекторов площадке для танцев кружатся американские гости, монотонно попевая оркестру. Директор размышляет о рекордных прибылях прошлого года, полученных его компанией; он убежден, что обстоятельства будут для него попрежнему складываться благоприятно. В наступающем году из-за гонки вооружений его прибыли поднимутся еще выше. Он считает, что консервативное правительство влзло хороший старт — происходит дальнейшее сокращение средств на народное образование, жилищное строительство, на здравоохранение.

По лицу директора становится сердитым, когда он вспоминает о том, сколько хлопот доставляют ему американские конкуренты: в общем-то с ними и так, и так, совсем не считаются с интересами своих отчаянных английских коллег. Лицо директора приобретает столь скорбное выражение, что его испуганная жена, чье delicate защищает от зимнего холода только несколько ниток жемчуга, спрашивает, не следует ли ему принять какие-нибудь железные пилюли.

В этом же ресторане присутствует много лиц, чьи доходы неизмеримо ниже, чем у нашего директора. Говоря по совести, такой новогодний уэин им просто не по средствам. Но что поделаешь! Они должны сюда прийти, чтобы сохранить видимость достатка в глазах других людей. Это важно для бизнеса и должно укрепить их кредит в торговом мире. В действительности же положение у них неважное. Налог очень высокий (директора компания это не тревожит, он имеет поверенного, который поможет ему обмануть управление государственных сборов), и, разумеется, нельзя рассчитывать на преувеличенные обещания об облегчении тяжелого бремени налогов. Каждый думает о том, что принесет новый год для его маленького бизнеса. Янки навязывают новые ограничения в торговле? А что еще? Одному богу известно.

Жена директора компании унывает знакомым, слышавшим за соседним столиком. Ее радует новый год. Чем хуже беднякам, тем лучше, увереннее она себя чувствует. Мы поставим на место этих простых людей, им придется быть более сговорчивыми! Что-то в этом роде она говорит своему мужу, а он смеется и рассказывает ей, что недавно побывал на заводе, где настоящий коммунист, кажется пеховой мастер, вел себя очень вызывающе. «Я узнаю его имя, и этого наглеца вышвырнут с завода!»

Теперь отправимся на другой новогодний вечер. Мы в квартире инженера, получающего довольно высокий оклад. Хороший семейный уэин и даже одна-две бутылки виски ему по карману. Здесь собрались и родные инженера. В конце концов такой повод представляется только один раз в году. Остатки еды убранны со стола. Хозяйка дома и ее дочь наводят порядок на кухне, а все остальные оживленно помогают главе семьи заполнить футбольный купон. Это излюбленная азартная игра для миллионов англичан и англичанок.

Миллионы людей, среди которых многие вовсе не интересуются спортом и даже никогда не бывали на футбольном стадионе, — старики, многодетные матери, старые девицы, — еженедельно участвуют в этом азартном розыгрыше, рассчитывая выиграть хоть несколько пенни или шиллингов.

Есть и такие, которые приобретают не один, а несколько купонов, желая предостеречь все возможные случайности.

Уже много лет для двух с половиной миллионов итальянцев Новый год остается обычным, будничным, черным днем. Такого числа постоянных безработных в Италии, и для них ночь с тридцать первого декабря на первое января протекает так же уныло, как и всякая другая; минавал год лишений и тягот, настает еще один безнадежный год...

В беспорядочной жизни итальянских городов легко забывают о Новом годе людей, не имеющих работы. Так легко забыть о судьбе Полао, его жены Линды и сынишки Рамолетто — героев знакомого советским зрителем кинофильма режиссера Камерини «Мечты на дорогах», которые прожили на окраине два часа своей короткой кинематографической жизни... После трех-четырех лет безработицы им не о чем больше мечтать на дорогах. И ночь, возвещающая наступление Нового года, также не приносит с собой новой мечты: Полао и Линда, затерянные в огромной толпе итальянских безработных, устали мечтать. Полао и Линда получают сейчас пособие в 213 лир. Так было в декабре 1951 г. Так будет и в январе 1952 г. Духот тридцати лир нехватает, чтобы накормить маленького Рамолетто, и, конечно же, на эти деньги невозможно послать его в школу. Если мальчик еще мечтает в эти праздничные дни, то в ночных грезах ему чудятся башмаки, хлеб и горячая каша. В день Нового года Линда может купить на все свое пособие немного хлеба и сто граммов мяса...

Богачи, промышленники, и в их числе владелец автомобиля, который Полао в порыве отчаяния задумал украсть, хотят встретить праздник с легким сердцем. Пытаясь «забыть» бедняков, они устраивают благотворительные обеды для детей безработных. Из разбухших бумажников они извлекают небольшую сумму денег, которую обычно тратят на американские сигареты, и на эти совместные «пожертвования» угощают обедом детей бедняков — бесчисленных Рамолетто нашей страны.

И вот матери ведут детей в центр города, а отец идет туда и Линда... Медленно проходит она по городу, держа за руку Рамолетто. Она так жалеет бедняков, что почти каждый день со своим мальчиком... Линда останавливается у магазинчика, смотрит на витрины, полные дорогих вещей. Рамолетто хочется всего, что он только видит, — от хлеба до игрушек, но у матери нет ни гроша, и она односложно отвечает ему: «Нет».

Улицы Рима узки, и когда Линда ходит с тесного тротуара на мостовую, бродящие автомобили хозяев Италии проносятся совсем рядом, чуть ли не задевая ее одежку. Линда видит толстых священников, uniformed генералов, дам в мехах и драгоценностях, на которые Полао, Линда и Рамолетто могли бы прожить в довольстве три, а то и четыре года...

На улицах, несмотря на то, царит праздничное оживление. Мелкая буржуазия городского центра может на несколько дней забыть свои невзгоды. Служащие получают жалованье, торговцы и ремесленники немного подработали по случаю праздника. Поэтому жены безработных, ведущие своих детей на благотворительные обеды, проходят по улицам почти незамеченными. Здесь, в этом мире капитала, человека приучают в одиночку бороться с жизнью, здесь с амвонов церквей и даже в школах проповедуют индивидуализм, учат замыкаться в себе и заглаживать в своем сердце сочувствие и солидарность с ближним. И если, как это случалось с Полао и Линдой, безработные муж и жена живут замкнуто, одиноко, оторванные от других трущобных, которые ведут организованную борьбу, объединившись в своих партиях и профсоюзных организациях.

Игра кажется особенно заманчивой потому, что на долю иных несколько раз выигрывают больше денег. В помощь игрокам создана целая литература, сложная и глубокая, как высшая математика. «Футбольная» горячка далеко обогнала игру в беггах. Азартная игра, которая ведется в таких огромных масштабах, свидетельствует о глубоком социальном неблагополучии, о чувстве разочарования и неверия в возможность улучшить свое положение собственными усилиями. Остается надежда на случайный выигрыш.

Загланным покаянием и увидим, какая мучительная тревога таится в душе каждого из участников этой новогодней вечеринки. Перед ними молодая мать, ее мысли заняты тем, как накормить и одеть ее маленьких детей при все возрастающей дороговизне. Муж, вероятно, даже не подозревает, на какие жертвы ей приходится идти, чтобы обеспечить необходимым семью, расплачивая теми суммами, которые он может выдвинуть ей со своего заработка. Нормы на продукты несвежие, она не знает, как сведет концы с концами в ближайшие дни.

Если эти взрослые, у матери другие заботы. Сын, которым они с мужем так гордятся и который так хорошо учится, — это с ним будет через несколько месяцев, когда он окончит школу? Увидит ли она когда-нибудь его снова? Вернется ли он из Кореи, Малайи, Египта или другого заморского края? А что будет с ее дочерью? Все эти голливудские кинофильмы, слишком частые развлечения до глубокой ночи. В ее годы все было иначе; она веселилась, мечтала, — такое свойство молодости, — но совсем по-другому. Вы знаете, конечно, что представляют собой американцы с ближайшей базы атомных бомбардировщиков. Им на все наплевать, они уверены, что все можно купить за доллары.

Брат Берт, едва он демобилизовался и подыскал себе занятие в гражданской жизни, получил официальное извещение, что он обязан столько-то недель в году проходить военную подготовку. Ему это не по вкусу. В данный момент он сворачивает сигарету и беседует о политике с другом, ветераном двух войн с Германией. Дед курит, сидит в единственном кресле. Берт звонительно комментирует визиты Аллендуэра и почести, которые оказал ему король.

Вот Генри — портной-закрышкин, он, как и десятки тысяч людей в швейной промышленности, безработный, потому что у населения нет денег на покупку новой одежды. Вот Билл, который получил медали за подвиги, совершенные во время войны, когда он служил в пожарной охране. Его уже оштрафовали, и ему грозит еще более строгое наказание за то, что он участвовал в демонстрации вместе со своим профсоюзом, требуя, чтобы пожарные уравнились в оплате с полицейскими. Всякому ясно, как опрочуждено он поступил. Государство ведь все больше и больше нуждается в полицейских...

Нижепер отравляется от своих футбольных подчетов, потому что Мабель, жена Берта, возбужденно говорит: «Я не верю, что русские такие плохие, как о них говорят! Я слышала выступление женщины из Сталинграда, Мурашкиной, и она сказала...» (Может быть, мне лучше не писать об этом — какой-нибудь сотрудник Би-би-си уже получил хороший нагоняй от своего начальства за то, что допустил эту передачу; не стоит ухудшать их положение, рассказывая о том, какое потрясающее впечатление произвела эта передача на миллионы английских женщин, которым довелось ее слушать)...

Таковы думы и заботы английских мужчин и женщин в ночь под Новый, 1952 год. Они хотят мира? Да, конечно. Они видят угрозу войны. Это уже у каждого на уме. Мне рассказывали о маленьком мальчике, который на вопрос незнакомого ему взрослого человека: «Кем ты хочешь быть, когда вырастешь?», — ответил просто и четко, к немалому удивлению собеседника: — Живым!

Народ Англии должен усилить свою борьбу за мир. Простым людям необходимо понять, что они, именно они, могут повлиять на ход событий. Британские правящие круги пытаются наседать глубокого разочарования. Этому способствуют пресса, радио и прочие средства пропаганды, внушающие людям пассивность и примирение с политикой, навязанной народу. Однако жизнь опровергает эти расчеты. Она вовлекает людей во все новые и новые конфликты: против наглого поведения янки, против призыва на военную службу, против военных авантюры, против возрождения германской военной мощи, против роста цен, против жилищного кризиса, за повышение жизненного уровня.

Теперь, мой советский читатель, когда вы посетили вместе со мной несколько новогодних вечеров в Лондоне, вы понимаете, что встреча 1952 года была у нас несвоевременной. Однако простые люди Англии (именно простые, а не избалованные американскими «средними») не теряют надежды на лучшее будущее. За него нужно бороться, и мы продолжаем эту борьбу и в новом году.

АЙВОР МОНТЕГЮ
ЛОНДОН, 31 декабря
(По телеграфу)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

В обзоре поджигателей. К Атлантическому блоку прицеплено право-социалистическое соединение.

Уолл-стрит и его аппетит. Запах нефти привлек матереого волка. М-р Гарриман «петляет» вокруг...

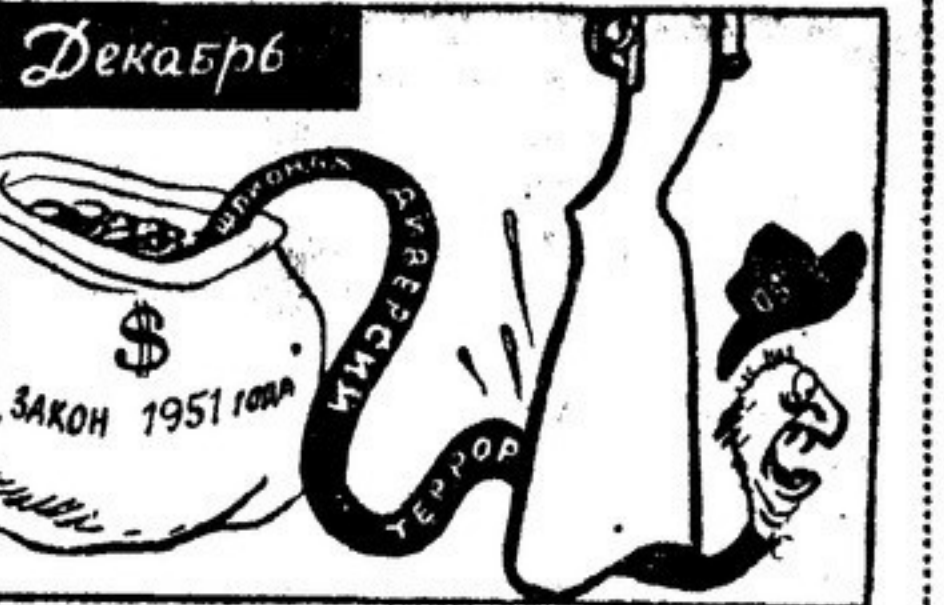
Новое в химии. Самурайская реакция на конференции в Сан-Франциско, где был оформлен сепаратный договор с Японией.

Фокус не удался. Лопнула попытка прикрыть дыркой ширмой атомные замыслы поджигателей.

Двуличный Янус. Американское «миролюбие» разоблачено на шестой сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Париже.

Плакали денежки. Схвачены с полицием Вашингтонские законодатели, организовавшие шпионаж и диверсии.

Рис. Бор. ЕФИМОВА

К ИТОГАМ 1951 ГОДА
КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!
U.S. News & World Report
Whispers
American tourists are getting a cool reception in much of Western Europe this year. American newsmen have been booted off the scene in some theaters and European officials often refer sarcastically to U.S. civil and military officials in Europe as the "American occupation force."

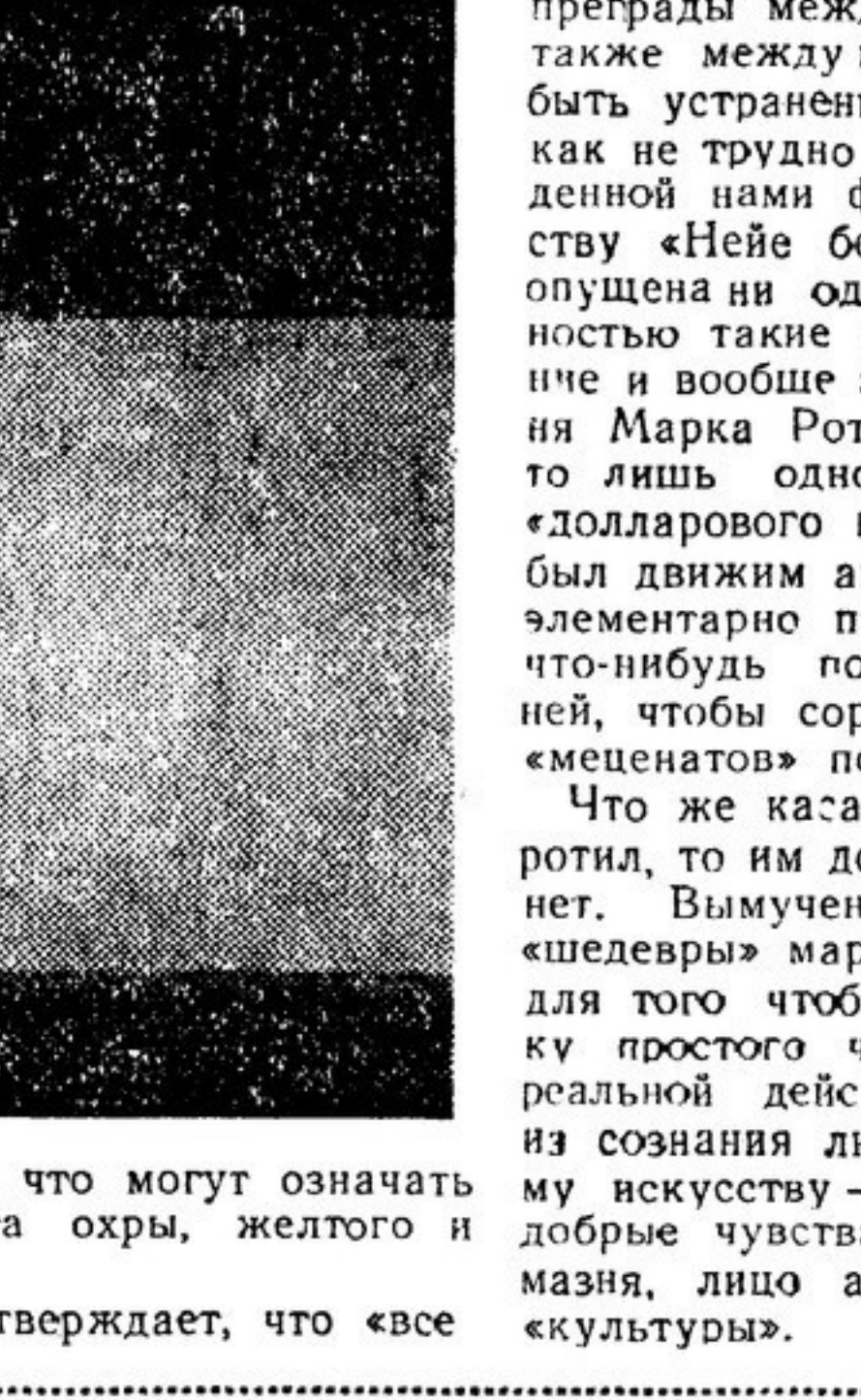
Американский журнал «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Ворлд Репорт» опубликовал в номере от 14 сентября 1951 года под рубрикой «Слухи» следующее сообщение: «Американские туристы встречают холодною прием во многих странах Западной Европы в этом году. Американская кинохроника была опущена в некоторых кинотеатрах, и ее приходилось снимать с экранов, а гражданских и военных официальных представителей США в Европе воспринимали часто саркастически называют «американскими оккупантами».

Комментарии, как сказано, излишни! Не излишне, пожалуй, лишь замечание редакционного порядка: пора бы редакции журнала «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Ворлд Репорт» завети для подобных сообщений другую рубрику, скажем, «Фанты». Ибо дошло до нашего слуха, что приведенный «слух» давно перестал быть слухом. Это факт.

Народ Англии должен усилить свою борьбу за мир. Простым людям необходимо понять, что они, именно они, могут повлиять на ход событий. Британские правящие круги пытаются наседать глубокого разочарования. Этому способствуют пресса, радио и прочие средства пропаганды, внушающие людям пассивность и примирение с политикой, навязанной народу. Однако жизнь опровергает эти расчеты. Она вовлекает людей во все новые и новые конфликты: против наглого поведения янки, против призыва на военную службу, против военных авантюры, против возрождения германской военной мощи, против роста цен, против жилищного кризиса, за повышение жизненного уровня.

АМЕРИКАНСКАЯ ЖИВОПИСЬ 1951 ГОДА

Законный вопрос: что здесь изображено? Читатель может подумать, что это грязно-полосатое пятно — попросту тип пографский брак. Но не так мы здесь в точности воспроизвели фотографию, взятую из немецкого журнала «Нейе Берлинер иллюстрирте». Фотография эта, в свою очередь, сделана с картины американского художника Марка Ротко. Сей шедевр современного океанского искусства выставлен на всеобщее обозрение в Западном Берлине, где в залах Шарлоттенбургского дворца недавно была открыта выставка американской живописи.

Что можно сказать об этой картине? О ней можно сказать многое: что называется она «№ 1, 1951», что намалевана она маслом на нормальном холсте, что размер ее — 1 метр 94 сантиметра на 1 метр 62,5 сантиметра, что перед тем, как попасть в Западный Берлин, она укрывалась галереей некоей г-жи Бетти Пирсон в Нью-Йорке, что, наконец, ее автор учился в Иельском университете и даже состоял в художественной студенческой ассоциации». Нельзя сказать лишь одного: что на ней изображено!

Марк Ротко утверждает, что «все

преграды между художником и идеей, а также между идеей и публикой должны быть устранены». В картине «№ 1, 1951», как не трудно убедиться (на воспроизведенной нами фотографии, но свидетельству «Нее Берлинер иллюстрирте», не опущена ни одна деталь!), устранены полностью такие «преграды», как содержание и вообще здравый смысл. Если маэстро Марка Ротко что-либо и выражает, то лишь одно — маразм современного «долларового искусства». Идея, которой был движим автор картины «№ 1, 1951», элементарно проста: как бы придумать что-нибудь заобластей, поессансийней, чтобы сорвать с уолл-стригтовских «менешатов» побольше долларов.

Что же касается уолл-стригтовских воротил, то им до искусства никакого дела нет. Вымученные космополитические «шедевра» марков ротко нужны им лишь для того чтобы оглушить, сбить с толку простого человека, отвлечь его от реальной действительности, вытравить из сознания людей любовь к подлинному искусству — оно ведь, прожужгающее добрые чувства... «№ 1, 1951» — грязная мазя, лицо американской реакционной культуры».

Мечты на дорогах

Паоло и Линда сидят один в своем доме. Их «дом» — это каморка под лестницей, либо дощатый барак с дырчатой крышей, или же просто темная нора, вырытая прямо в земле. Они молчат. Даже простой домашний разговор, планы семейной жизни, надежды, которыми муж делится с женой, даже это отянуло у безработных. Муж не может сказать жене: «Твое платье выносилось по спору у тебя будет новое»; Линда не может сказать Паоло: «Знаешь, у Рамолетто порвались башмаки, падо будет кунить ему другие».

Кангаганет — хозяин автомобиля — ухаживает с друзьями в свою пижамную виллу в горах или в пинный отель на побережье, чтобы достойно отразить наступающий 1952 год. Для него это новый год «плана Маршалла». Атлантиче

Новый год Паоло и Линды

Эмилио, сторож гаража, друг Паоло, прошедший вместе с ним войну, не может на Новый год позвать в гости Паоло, Линду и Рамолетто. Он слишком мало зарабатывает, чтобы пригласить к себе друзей. Но Паоло и Линда все же идут к нему под вечер. Они выпивают по стакану дешевого вина и говорят о прошлом. Эмилио, как и Паоло, был в армии шофером и потерял ногу на войне, затем попал в фашистский лагерь. Она вспоминает свою жизнь: безработица, война, ранения, опять безработица и голод. Так промаял вся их молодость без единого дня покоя; теперь Эмилио — шпидли, а Паоло — вновь безработный. Такова судьба целого поколения, исколеченного фашизмом, судьба сорванных итальянцев, жертв долгой преступной политики правящего класса, теперь снова забравшего в свои руки власть. Эмилио, Паоло и Линда не могут вступить в Новый год.

Наступающий Новый год внушает им тревогу. Они бояты Атлантического пакта, «плана Маршалла» и американской «помощи», бояты американцев, которые обосновались в наших портах и шумно празднуют Новый год под прикрытием пушек своих кораблей. Но все-таки и в доме, где живет Эмилио, раздаются веселые голоса. Это большое звание на окраине, заселенное рабочими, и из открытых дверей квартир во

двор доносится смех девушек, песни, музыка импровизированных оркестров. Рабочий люд празднует Новый год. И Эмилио, горько помянувший войну и свои раны, теперь тоже улыбается. «Чему можно радоваться в такой нищете, среди всего этого ужаса?» — спрашивает его Линда, пропевая утром наслушавшись в церкви проповедь священника и у которой теперь, как и у многих жен безработных, гаснет надежда в сердце. Эмилио, который вынес из страшного опыта войны любовь к миру, решимость и силы его защищать, отвечает ей: «Прошел год нужды и борьбы, но он был и годом больших побед: враги хотели загнать войну, но им не удалось послать молодежь на бойню; они хотели уничтожить волю народов к миру, но наша организация борцов за мир стала еще сильнее. И эти рабочие, приветствующие наступление Нового года, знают, что мы выигрываем еще один год опасностей и голода, а следовательно, одним таким годом меньше для тех, кто, как мы, хранит в сердце уверенность, что борьба народов за труд и мир увенчается успехом».

Больше не чувствуют себя одиноками Паоло и Линда в этом доме, среди трудящихся, празднующих Новый год с верой в будущее. Они начинают понимать, как найти выход из мрачной тюрьмы своего одиночества.

Итак, добро пожаловать, Новый, 1952 год! Он будет голод, когда Паоло и Линда тоже научатся бороться и обретут в стремлении к миру тот смысл жизни, который казался им утраченным.

Феличе КИЛАНТИ
РИМ, 31 декабря. (По телеграфу)